

Дядя Ваня — эпизод 14 из 14

Итак, куда бы ни ступили вы и ваш муж, всюду вы вносите разрушение... Я шучу, конечно, но все же... странно, и я убежден, что если бы вы остались, то опустошение произошло бы громадное. И я бы погиб, да и вам бы... несдобровать. Ну, уезжайте. *Finita la commedia!*

Елена Андреевна (берет с его стола карандаш и быстро прячет). Этот карандаш я беру себе на память.

Астров. Как-то странно... Были знакомы и вдруг почему-то... никогда уже больше не увидимся. Так и всё на свете... Пока здесь никого нет, пока дядя Ваня не вошел с букетом, позвольте мне... поцеловать вас... На прощанье... Да? (Целует ее в щеку.) Ну, вот... и прекрасно.

Елена Андреевна. Желаю вам всего хорошего. (Оглянувшись.) Куда ни шло, раз в жизни! (Обнимает его порывисто, и оба тотчас же быстро отходят друг от друга.) Надо уезжать.

Астров. Уезжайте поскорее. Если лошади поданы, то отправляйтесь.

Елена Андреевна. Сюда идут, кажется.

Астров. *Finita!*

, Войницкий, Мария Васильевна с книгой, Телегин и Соня Серебряков (Войницкому). Кто старое помянет, тому глаз вон. После того, что случилось, в эти несколько часов я так много пережил и столько передумал, что, кажется, мог бы написать в назидание потомству целый трактат о том, как надо жить. Я охотно принимаю твои извинения и сам прошу извинить меня. Прощай! (Целуется с Войницким три раза.)

Войницкий. Ты будешь аккуратно получать то же, что получал и раньше. Все будет по-старому.

Серебряков (целует у Марии Васильевны руку). Мaman...

Мария Васильевна (целует его). Александр, снимитесь опять и пришлите мне вашу фотографию. Вы знаете, как вы мне дороги.

Телегин. Прощайте, ваше превосходительство! Нас не забывайте!

Серебряков (поцеловав дочь). Прощай... Все прощайте! (Подавая руку Астрову.) Благодарю вас за приятное общество... Я уважаю ваш образ мыслей, ваши увлечения, порывы, но позвольте старику внести в мой прощальный привет только одно замечание: надо, господа, дело делать! Надо дело делать! (Общий поклон.) Всего хорошего! (Уходит; за ним идут Мария Васильевна и Соня.)

Войницкий (крепко целует руку у Елены Андреевны). Прощайте... Простите... Никогда больше не увидимся.

Елена Андреевна (растроганная). Прощайте, голубчик. (Целует его в голову и уходит.)

Астров (Телегину). Скажи там, Вафля, чтобы заодно кстати подавали и мне лошадей.

Телегин. Слушаю, дружок. (Уходит.)

Астров (убирает со стола краски и прячет их в чемодан). Что же ты не идешь проводить?

Войницкий. Пусть уезжают, а я... я не могу. Мне тяжело. Надо поскорей занять себя чем-нибудь... Работать, работать! (Роется в бумагах на столе.)

Астров. Уехали. Профессор рад, небось. Его теперь сюда и калачом не заманишь.

Марина (входит). Уехали. (Садится в кресло и вяжет чулок.)

Соня (входит). Уехали. (Утирает глаза.) Дай бог благополучно. (Дяде.) Ну, дядя Ваня, давай делать что-нибудь.

Войницкий. Работать, работать...

Соня. Давно, давно уже мы не сидели вместе за этим столом. (Зажигает на столе лампу.) Чернил, кажется, нет... (Берет чернильницу, идет к шкапу и наливает чернил.) А мне грустно, что они уехали.

Мария Васильевна (медленно входит). Уехали! (Садится и погружается в чтение.)

Соня (садится за стол и перелистывает конторскую книгу). Напишем, дядя Ваня, прежде всего счета. У нас страшно запущено. Сегодня опять присылали за счетом. Пиши. Ты пиши один счет, я другой...

Войницкий (пишет). Счет... господину...

Марина (зевает). Баиньки захотелось...

Астров

Марина. И чего засуетился? Сидел бы.

Астров. Нельзя.

Войницкий (пишет). И старого долга оста лось два семьдесят пять...

Работник. Михаил Львович, лошади поданы.

Астров. Слышал. (Подает ему аптечку, чемодан и папку.) Вот, возьми это. Гляди, чтобы не помять папку.

Работник. Слушаю. (Уходит.)

Астров. Ну-с... (Идет проститься.)

Соня. Когда же мы увидимся?

Астров. Не раньше лета, должно быть. Зимой едва ли... Само собою, если случится что, то дайте знать приеду. (Пожимает руки.) Спасибо за хлеб, за соль, за ласку... одним словом, за все. (Идет к няне и целует ее в голову.)

Прощай, старая.

Марина. Так и уедешь без чаю?

Астров. Не хочу, нянька.

Марина. Может, водочки выпьешь?

Астров (нерешительно)

Моя пристяжная что-то захромала. Вчера еще заметил, когда Петрушка водил поить.

Войницкий. Перековать надо.

Астров. Придется в Рождественном заехать к кузнецу. Не миновать. (Подходит к карте Африки и смотрит на нее.) А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарыща страшное дело!

Войницкий. Да, вероятно.

Марина (возвращается с подносом, на котором рюмка водки и кусочек хлеба)
А ты бы хлебцем закусил.

Астров. Нет, я и так... Затем, всего хорошего! (Марине.) Не провожай меня, нянька. Не надо.

Войницкий (пишет). Второго февраля масла постного двадцать фунтов...
Шестнадцатого февраля опять масла постного двадцать фунтов... Гречневой крупы...

Марина. Уехал.

Соня (возвращается, ставит свечу на стол). Уехал...

Войницкий (сосчитал на счетах и записывает). Итого... пятнадцать... двадцать пять...

Марина (зевает). Ох, грехи наши...

Войницкий (Соне, проведя рукой по ее волосам). Дитя мое, как мне тяжело! О, если б ты знала, как мне тяжело!

Соня

Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь... (Сквозь слезы.) Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем... (Обнимает его.)

Занавес медленно опускается